

УДК 343.9.01

Ганс-Йорг Альбрехт,

доктор юридических наук, доктор h.c., профессор,
директор Института международного и зарубежного уголовного права
имени Макса Планка (г. Фрайбург, ФРГ)

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВО ФРАЙБУРГСКОМ ИНСТИТУТЕ ЗАРУБЕЖНОГО
И МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА
ИМ. МАКСА ПЛАНКА**

Аннотация. В этой статье представлены основные направления криминологических исследований, по которым проводятся исследования в Институте международного и зарубежного уголовного права имени Макса Планка.

Ключевые слова: криминология, криминологическое исследование, контроль над преступностью, гармонизация уголовного законодательства, организованная преступность.

Постановка проблемы. Общество научных исследований имени Макса Планка (МПО) — сеть научно-исследовательских организаций с главным представительством в г. Берлине. Это научное общество включает в свою структуру 80 институтов (порядка 13 000 ученых) и научно-исследовательских подразделений, в которых работают порядка 13000 ученых. Один из таких институтов — это Институт международного и зарубежного уголовного права имени Макса Планка в г. Фрайбурге. Основателем этого института и его первым директором был всемирно известный ученый-правовед, доктор юридических наук, почетный доктор многих немецких и иностранных университетов профессор Ханс-Геррих Йешик (1915—2009). Все годы своего существования этот институт активно организует и проводит научные исследования сложных уголовно-правовых и криминологических проблем.

Изложение основного материала:

1. Исходные положения эмпирического, криминологического исследования

Первые криминологические проекты института им. Макса Планка основывались на убеждении, что картина официально регистрируемой и формируемой институтами социального контроля преступности проявляется в сложном, интерактивном и избирательном процессе, в который вовлечены частное лицо, уголовное право, а также его нормы и институты уголовно-правового социального контроля. Из этого вытекало, что уголовное право и его институты являются частью системы социального контроля и получают свою ориентирующую силу и руководящий потенциал путём переплетения с системами социального контроля. Правда, таким же образом порождаются и потенциалы конфликтов. Для фрайбургского

исследовательского подхода, выгодно отличающегося от «наивного» криминологического конструктивизма, а также от простого поиска причин преступлений в Эммендинговых исследованиях молодежи [1] характерно объединение, начиная с середины 1970-х гг., исследования самоописаний потерпевших и преступников с данными полицейской и судебной информационных систем, а также шаги по направлению к исследованию различных участников социального контроля (школы, полиции, правосудия) [2] и оценке населением тяжести совершённых преступлений [3]. Результаты исследований показывают, что простое разделение ролей «преступника» и «жертвы» провести невозможно, и что там, где потерпевшие в самоописаниях особо ожесточённо обвиняют преступника, можно констатировать и особо высокую виктимность. Результаты исследований показывают также, что исходить из теории о равномерном распределении преступности можно лишь тогда, когда речь идет о мелкой бытовой преступности, однако же тяжкие и повторные преступления сосредоточены в небольшом слое молодых людей мужского пола, которую в остальных случаях очень трудно «вычислить», используя статистические подходы. Анализ процессов сбора и отбора эмпирического материала, которые начинаются с заявления о преступлении, сделанного потерпевшим или свидетелем [4], с реагирования полиции на заявление [5], проходят стадию планирования и применения полицейских сыскных мероприятий [6] и, наконец, ведут к решению прокуратуры о прекращении уголовного преследования или о предъявлении обвинения, показывает, что круг выделенных таким способом для изучения преступлений большого уже деяний, которые целесообразно

было бы расследовать и привлечь совершивших их лиц к ответственности. Отбор ориентируется при этом не только на уголовно-правовую программу, но следует из внепрограммных факторов, которые обнаруживаются как в признаках организации [7], так и в интересах участников. Наконец, в ходе судебного разбирательства происходит, как показало исследование правовой и социальной конструкции преступлений против жизни, следующая стадия отбора и «сотворения», которая может расцениваться как корректировка полицейских и прокурорских определительных процессов [8].

Далее проявлением развития сравнительных криминологических исследований явился Штутгартский опрос потерпевших [9], который был связан с Клинардовой программой (швейцарско-канадская программа Clinard Studie) [10], а также обзоры статистических данных о потерпевших, которые были проведены на основании единого инструментария в федеральной земле Баден-Вюртемберг, в штате Техас и в Венгрии [11].

Круг вопросов, касающихся потерпевших, начиная с 1970-х и 1980-х гг. обогатился, помимо вопросов латентной преступности, особенностями преступности среди иммигрантов [12], важными из соображений отбора фактического материала, вопросами детерминант готовности к заявлению о преступлении [13], и, наконец, в связи с уголовно-политическими соображениями, касающимися права чувствовать себя в безопасности, — особо подчеркиваемым страхом перед преступностью [14]. Именно сравнительные статистические обзоры по вопросам виктимизации показывают значительную независимость страха перед преступностью от виктимизирующего опыта (что объяснимо, однако,

бытовым характером большинства вкритимизирующих обстоятельств). Уже первые опросы потерпевших показывают также, что тяжкие последствия и потребность в защите сосредоточены на небольшой группе потерпевших от тяжких насильственных преступлений [15].

Наконец, предметом исследований, касающихся уголовно-исполнительных институтов и исполнения наказаний, являются механизмы действия судебной помощи [16] и взятия на поруки [17], механизмы перемен в поведении и жизненных установках заключенных в следственных изоляторах [18], а также отбывающих лишение свободы для несовершеннолетних и для совершеннолетних [19]. Особое значение при этом придается реализации принципа ресоциализации и излечения [20] и оценке социально-терапевтических учреждений [21]. Особые методические требования к оценочным исследованиям становятся наглядными при проведении долгосрочных и последовательных исследований [22], в которых речь идет о различных проявлениях при исполнении наказаний и мер воспитательного характера [23], а также события, следующие за исполнением наказания, происходящие по отбытии лишения свободы [24]. Впрочем, в оценочных исследованиях и исследованиях различных механизмов действия поднимаются не только методические вопросы; исследования условного осуждения и рецидива являются теоретическими и направлены на проверку гипотез, объясняющих механизмы действия обращения с заключенными, и включают гипотезы о «тюрьмизации» и субкультуре тюрем; наконец, они поднимают вопрос конкретной имплементации лечения [25]. Исследования различных механизмов действия и имплементации распространяются

на виды наказаний, являющихся альтернативой лишения свободы [26].

Исследования экономической преступности, которые, исходя из единого учета экономической преступности, ведущегося в ФРГ [27], порождённые в том числе и возросшим политическим интересом к этой сфере, сосредоточены на имплементации уголовного законодательства о хозяйственных преступлениях и занимаются в основном одним вопросом: дает ли новая подсудность возможность отличить достаточно узнаваемые группы экономических преступлений от преступлений против собственности, из которых они выросли, и каким образом проблемы сложности фактических обстоятельств сказываются на уголовно-правовых расследованиях, на судебном разбирательстве и на санкциях [28]. Особое значение здесь получает прекращение производства по делу с возложением на виновное лицо определенных обязанностей (§153а УПК ФРГ), применение которой излагается весьма противоречиво с момента введения этого института в 1975 г. [29].

1980-е годы являются периодом рождения старейшей когорты новорождённых (их количество достигло в настоящее время шести), которая исследовалась до 36-го года жизни в ходе долгосрочного исследования, которое проводилось на основании данных, зарегистрированных органами полиции (PAD) и данных центрального федерального реестра и было нацелено на индивидуальную динамику зарегистрированных преступлений и на проявления и перемены в реагировании прокуратуры и правосудия [30].

2. Переходный период: развертывание исследований в 1990-е годы

Направления исследований, которые разрабатывались в обоих предшествующих десятилетиях [31], в

1990-х годах нашли свое продолжение в изучении уголовно-правовых санкций, процесса определения размера наказания [32], положения потерпевшего в уголовном процессе [33] и в изучении имплементации материального и процессуального уголовного права. Проекты по имплементации уголовно-правовых норм, касающихся прерывания беременности [34], проекты, посвященные зарождению, развитию и имплементации законодательства о борьбе с преступлениями против окружающей среды [35], а также проекты, изучающие возмещение ущерба как самостоятельное направление в системе уголовно-правовой реакции [36], являются частью объемных проектов института, которые связывают вопросы правовой политики, сравнительно-правовые и теоретические исследования в сфере уголовного права с имплементационными и оценочными исследованиями. Естественно, социальные и политические перемены, произошедшие в связи с исчезновением конфронтации Запада и Востока, падением «железного занавеса», отменой пограничного контроля, вызвали к жизни массу исследований, которые касались истории восточно-немецкой криминологии [37], т.п. «немецко-немецких» исследований потерпевших [38], особых условий развития преступности в новых федеральных землях [39], и уголовно-правовой пересмотр политических репрессий в прекратившей свое существование ГДР [40].

В 1990-х годах также было положено начало исследованиям нового уголовно-правового инструментария, который сильно зависит от возросшего политического интереса к феномену транзакционной преступности, в особенности к торговле наркотиками [41]. Новые составы преступлений, такие как отмывание денег [42] и новое

направление в системе санкций, проявляющееся в расширенной конфискации предмета преступления и имущества, приобретенного преступным путем, в признанной позднее неконституционной конфискации имущества [43], а также во временном доступе к имуществу обвиняемого, нацелены на нелегальные доходы. Политика преследования «следа денег», являющаяся предметом междисциплинарных проектов по имплементации контроля за отмыванием денег и по изъятию избыточной прибыли [44], есть часть правовой политики, нацеленная на организованную и международную преступность, и влекущая за собой существенные перемены в материальном и процессуальном уголовном праве [45]. Исследователи, сосредоточившиеся на исследованиях имплементации уголовной политики, создали направление исследований, которое, помимо проектов по имплементации уголовно-правовой защиты окружающей среды [46] положило начало эмпирическим исследованиям уголовного процесса [47].

Криминологическая и криминологическая уголовно-правовая исследовательская программа [48] продолжает, начиная со второй половины 1990-х годов, долгосрочные исследования и поднимает новые вопросы, которые вытекают из проявлений общественного развития и социальных перемен последних десятилетий. Новые вопросы возникают также благодаря длительной иммиграции и этнической и религиозной дифференциации обществ, на которые не дали ответов традиционные формы политической и социальной интеграции, проявляющейся, в частности, в федерализме Германии, антиклерикальном понимании республики во Франции или в плюралистической ориентации на Сообщество в Англии. Вопросы возникают также благодаря

возникновению черных рынков, образованию теневого сектора экономики и феномена преступности, выходящей за пределы одного государства, которая проявляется прежде всего в торговле наркотиками и людьми, а также благодаря уголовной политике, выдвигающей на передний план безопасность и чувство безопасности. С этими общими процессами преобразованиями связаны также и иные изменения в условиях социализации и интеграции молодых людей, на которые наш институт обращал внимание в сравнительном исследовании неформальных секторов в крупных городах [49]. К перечисленному примыкает организованная преступность, которая до недавнего времени рассматривалась исключительно с точки зрения правовой политики, а также рациональные и переплетенные формы преступности, преступность, выходящая за пределы одного государства, транснациональная преступность, и не в последнюю очередь формы международной преступности, связанные с современными рынками власти, международным терроризмом и Новыми Войнами, а также с грубыми и систематическими нарушениями прав человека, и встретили международную реакцию в Римском статуте и в Международном уголовном суде [50]. Таким образом, исследователи обращаются к формам преступности, отличающимся от индивидуальной преступности или же «преступлений, которые совершает каждый», в частности, от массовой преступности, которой была посвящена криминология 1970-х и 1980-х годов. В остальном же в результате процессов общественной модернизации, перемен в структурах возможностей, быстрого распространения новых технологий, осознания новых рисков возникает потенциал для возникновения нового уголовно-

правового социального контроля, который характеризуется техническими инструментами исследования и их особенностями [51]. В связи с этим, развитие уголовной политики характеризуется (кстати, во всем мире) делегированием ответственности за борьбу с преступностью и за профилактику преступности. Подобно процессам в экономической и социальной политике, уголовная политика также характеризуется все большим и большим устранением государства от полной ответственности за общую проблему преступности со ссылкой на нехватку ресурсов или же на невозможность эффективной борьбы с преступностью полицейскими и уголовно-правовыми средствами и исключает ряд проявлений из сферы своего влияния. С одной стороны, отказ государства от ответственности за контроль над преступностью и передача этой ответственности иным структурам служит определенным силам в качестве легитимации. Однако с учетом тех требований, которые предъявляет жизнь, неуклонно снижающийся процент раскрываемости уже превратился из легитимации в бремя, угрожающее основам легитимации и ведущее к кризисам легитимации. Последствия этой тенденции проявляются в призывах к самоконтролю, даже к законодательному закреплению обязанности к самоконтролю (как, например, это наблюдается в сфере охраны окружающей среды и отмывании денег). К перечисленному примыкает обязанность частных лиц к принятию на себя контрольных функций (предусмотренных в частности в Законе о борьбе с отмыванием денег).

В последнее время эта тенденция отражается и на имплементации коммунальной профилактики преступности. Здесь, с целью профилактики,

уголовное право стало инструментом регулирования сложных общественных отношений и приобрело форму составов преступлений, которые считаются оконченными с момента, когда создана опасность причинения вреда объекту преступления. Это справедливо в сфере охраны окружающей среды, в сфере экономики и политики здравоохранения. Здесь обнаруживается, как много у уголовного права связей с административным правом и имеющимися в нем моделями, в остальном же всё более проявляются связи с гражданско-правовыми решениями, как показывают дискуссии о значимости восстановления состояния, существовавшего до совершения преступления (реституции) и возмещения ущерба по сравнению с государственным наказанием [52]. Следствием этого проявления является постоянное возрастание гибкости уголовного права и уголовно-правовой модели административного контроля и их переплетение с административно-правовыми, гражданско-правовыми и частными положениями контроля над поведением. При этом признано, что уголовное право является лишь одним из многочисленных средств контроля над поведением, и вовсе не обязательно позволяет достичь контроля над поведением наиболее эффективным путём. С другой стороны, следует констатировать, что в уголовном праве можно обнаружить все больше и больше административно-правовых и гражданско-правовых черт. Этой закономерности способствуют, в частности, упрощенческие тенденции, которые опять-таки основаны на финансовых соображениях. В обращении к идеям реституции и медиации вновь проявляется та же самая тенденция.

Вышеизложенное намечает координаты, в пределах которых строятся

надежды, возлагаемые на криминологическое исследование, и исходя из которых строятся криминологические исследования, проводимые во Фрайбургском институте. Исходя из них, формулируются также отправные положения по интеграции уголовно-правовых и криминологических исследований. По существу, в перечисленных сферах исследования ставится вопрос о пределах действия уголовного права и пределах определяющей силы уголовного права, и даже более того, речь идет о переменах в уголовном праве и в системах социального контроля в новых условиях, а следовательно, об основах национальной и международной реформы уголовного права. Ибо чёрные рынки, организованность и рациональность преступности, новые технологии и новые риски, этнические элементы в стратификации общества и переплетении уголовно-правового, административно-правового и гражданско-правового административного контроля приводят в действие такие фактические составы, которые одновременно сопровождаются «естественными экспериментами», в которых наблюдается уголовно-правовой социальный контроль в форме желаемых и нежелательных последствий, сочетающихся со взаимодействием с феноменом преступления. Далее обнаруживаются новые положения, позволяющие расширить междисциплинарные исследования, и для разработки которых, помимо прочего, необходимо принимать во внимание этнологию и экономику.

3. Ведущие сферы криминологических исследований

Криминологическая исследовательская программа Института зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка сосредоточена на вопросах, вытекающих из далеко

идуших перемен в форме и содержания социального контроля (прежде всего уголовно-правового социального контроля). Исследовательская программа включает в себя разработку различных направлений, которые определяются имплементационными и оценочными исследованиями, долгосрочными исследованиями, многоуровневыми аналитическими исследованиями и собственным (международным и межкультурным) стилем работы, а также новыми сферами исследования, обещающими теоретический прогресс, а основываясь на нём — и уголовно-политический прогресс. Для осуществления исследовательской программы, разумеется, были необходимы определённые условия, которые были созданы благодаря содействию со стороны Общества им. Макса Планка. Имеются в виду основополагающие исследования и интеграция с уголовно-правовыми и криминологическими исследованиями.

3.1. Уголовно-правовые санкции, имплементационные и оценочные исследования

Такая ведущая сфера криминологических исследований, как «уголовно-правовые санкции», включая имплементационные и оценочные исследования уголовно-правового санкционирования и исполнения санкций, основывается на прочно устоявшемся в Институте, начиная с 1980-х годов, предмете исследований и, начиная с середины 1990-х годов, обеспечивает его дальнейшее развитие путем проведения исследований новых форм наказаний и уголовного исполнения. Существующая исследовательская программа учитывает различные аспекты определения размера и исполнения уголовных наказаний и их приемлемость, альтернативы реального отбывания наказания, предусмотренные для несо-

вершеннолетних и совершеннолетних, возможные последствия для лица, которого непосредственно коснулись перечисленные процессы, а также для его родственников. Исследования, сопровождавшие имплементацию контролируемого электрошумными методами домашнего ареста, внедрённого по всей федеральной земле Гессен [53], продолжают [54] линию исследований подготовительного модельного эксперимента [55] и сравнительных исследований соответствующих немецких и шведских положений [56]. Особое внимание следует обратить, наряду с процессом имплементации и его рамочными условиями, также на оценку самих этих мероприятий. Анализ мер, направленных на избежание взятия под стражу несовершеннолетних и совершеннолетних в федеральной земле Баден-Вюртемберг [57], сосредоточился на вопросах избежания последствий тюремного заключения, и исследовал вопрос о том, какие меры, альтернативные тюремному заключению, пользуются в судебной практике наибольшей популярностью и для каких несовершеннолетних подходят такие меры. Иной спектр санкций, предусмотренных законодательством о несовершеннолетних, находится в центре проекта, исследующего практику назначения лишения свободы и так называемого «паказания для несовершеннолетних» при совершении тяжких преступлений [58]. В сравнении производства по делам несовершеннолетних и совершеннолетних и молодых совершеннолетних при совершении тяжких преступлений следует исследовать сходства и отличия при обосновании назначения т.п. «паказания для несовершеннолетних» или лишения свободы (т.е. такого лишения свободы, которое может быть назначено общему субъекту) и при

обосновании их размера. Таким образом, этот проект указывает на общие основополагающие вопросы определения размера наказания и на вопросы обоснованности отдельной системы наказаний для несовершеннолетних в особенности. Далее, путём сосредоточения анализа на особо опасных преступлениях, таких как изнасилование, разбой, убийство и убийство без отягчающих обстоятельств, проясняются вопросы, связанные с такой ведущей сферой криминологических исследований, как «опасные преступники». По вопросам определения размера наказания и исполнения лишения свободы начато исследование положения родственников осуждённого [59]. Внимание сосредоточено не на осуждённом, а на третьих лицах, которых косвенным образом коснулись санкции, связанные с изоляцией от общества, и на том, каким образом учитываются их интересы в практике, будь то при самом определении размера наказания, при исполнении наказания или при освобождении (в частности, при досрочном освобождении). К вопросам, касающимся санкций, обращаются также исследования профессиональных преступников в Народной Республике Китай [60]. В центре внимания этого исследования находится применение санкций к профессиональным преступникам и вытекающие из него последствия для биографии осуждённого на фоне преобладающей в Китае стабильной уголовно-правовой практики. Это исследование затрагивает также вопрос, что имплицитно означает какая-либо определённая уголовная политика в профилактике преступлений.

3.2. Опасность и опасные преступники

Такая ведущая сфера криминологических исследований, как «опасные преступники» охватывает различные

проявления. Речь идёт о возрастающем значении риска в формировании и претворении в жизнь уголовно-правового социального контроля (принятие актуарных решений) [61]. Сказанное примыкает к рассуждениям о рисковом обществе, и, базируясь на них, к концепциям рискового уголовного права и к разворачивающейся дискуссии о вражеском уголовном праве, которое заинтересовано, прежде всего, в безопасности и защите общества. Рисковая ориентация раскрывается в различных направлениях, причём сосредоточение на опасных преступниках, совершивших половые преступления, с 1990-х годов связано прежде всего с традиционными концепциями «преступника, действующего на основе «привычного» влечения», или «привычного» преступника, а следовательно, благодаря ей классические меры безопасности, подобные т.н. «превентивному заключению», и, разумеется, направленному на лечение, помещению в психиатрическое лечебное заведение, приобретают новое значение. Потому полный спектр взаимосвязей между опасностью, риском и уголовно-правовым социальным контролем, наряду с классическими стратегиями безопасности, становится предметом исследования методов лечения, которое должно ответить на вопрос — может ли и до какой степени может быть стойким лечебным эффектом устранён опасный потенциал, коренящийся в психической предрасположенности (имеется в виду излечимая психическая предрасположенность) конкретных отдельно взятых преступников. Естественно, феномены организованной преступности и международного терроризма описываются положениями, согласно которым опасность и риск этих преступлений обусловлен не психиатрически значимыми состояниями

индивидуума или состоянием «привычного» преступника, а, экономическим и идеологическим расчётом, который не подвластен ни традиционным инструментам социализации, ни привязанной к какой-либо территории и культурно окрашенной нормативной базе, и потому касается в конечном счёте вопроса глобализации. На роль лечения, сопряжённого с опасностью и риском, направлено долгосрочное исследование, касающееся лечения методами социальной терапии лиц, совершивших половые преступления; это исследование подразделяется на оценку терапии совершеннолетних и несовершеннолетних преступников [62]. Возможность использования данных, накопленных Фрайбургским исследованием когорт по вопросу долгосрочного развития половой преступности, создаёт условия для получения необходимой первичной информации для проектов, посвящённых исследованию лиц, совершивших половые преступления [63], в иных аспектах. Оценка социальной терапии, применяемой к лицам, совершившим половые преступления, в Свободной федеральной земле Саксонии, которая охватывает период до 2013 г., концептуально связана с оценочными исследованиями института социальной терапии в Берлине и Федеральной земле Севернорейнская Вестфалия [64]. Исследование, проводимое в Севернорейнской Вестфалии, базировалось, правда, (и представляло в этом плане исключение), на внесении элемента случайности в экспериментальную и контрольную группы [65] и могло проверить не только теоретически обоснованные гипотезы, касающиеся действия и механизма действия терапевтического вмешательства [66], но и поставить проверку гипотезы на методически надёжную основу. В тесной содержа-

тельной и организационной связи с упомянутым находится исследование лечения несовершеннолетних, совершивших половые преступления. Здесь речь идёт о вопросах, ведёт ли ранняя и учитывающая специфику несовершеннолетних социальная терапия к снижению риска рецидивного совершения тяжких половых преступлений. Помимо этого, в исследовании, ориентированном на прогноз, должны быть идентифицированы и подвергнуты анализу на основании зарегистрированных рецидивов некие критерии [67]. Предварительные работы, связанные с этими исследованиями, были проведены в рамках проекта, направленного на диагностику и классификацию лиц, совершивших половые преступления, при осуществлении которого были выявлены критерии определения шансов на излечение и потребности в лечении, а также выделены виды обнадёживающих методов лечения. Исследователи, изучавшие т.п. «превентивное заключение», начавшие в 1990-х годах исследования практики применения этой меры безопасности [68], имеют в наше время преемников, выясняющих, насколько выдержали испытание временем лица, подвергшиеся т.п. «превентивному заключению», и опасные преступники. Эти исследователи-преемники сравнивают уголовно-правовые и уголовно-исполнительные судьбы лиц, подвергшихся т.п. «превентивному заключению» с контрольной группой «опасных» преступников. При этом исследуются вопросы выбора мер безопасности и эффекта от применения мер безопасности, применяемых к таким преступникам, которые рассматриваются как группа риска в связи с частыми и тяжкими рецидивами, причём не в связи с особыми психическими аномалиями и не в связи с совершением тяжких

половых преступлений, а по причине «предрасположенности», по причине ставшего хроническим совершения преступлений или уголовной «карьерой» [69].

3.3. Организованная преступность, терроризм и внутренняя безопасность

Исследования организованной преступности, терроризма и внутренней безопасности указывают на самую суть работы Криминологической исследовательской группы, в которой наряду с феноменологией организованной преступности поднимаются вопросы, касающиеся взаимодействия между уголовно-правовым социальным контролем и организованной преступностью. С точки зрения самого феномена и условий, в которых действует организованная преступность, предметом исследований становятся особенности такой транзакционной преступности, в центре которой находится рынок, участники которого обмениваются запрещёнными законом товарами и услугами. С точки зрения уголовно-правового социального контроля, предметом этих исследований является создание официальной картины организованной преступности посредством уголовно-правового процесса расследования, а также проявления в материальном и формальном уголовном праве [70], которые объясняются особенностями уголовно-правового контроля над транзакционной преступностью. Обращение к этим вопросам возможно оплести к нескольким основополагающим подходам Института, указывающим на сферы многообещающих исследований: интернационализации, глобализации и рисковому обществу. Данная ведущая сфера криминологических исследований связана с эмпирическим исследованием уголовного процесса, в

центре внимания которого находятся, в частности, методы расследования (и прежде всего методы расследования, обусловленные особыми требованиями преследования транзакционной преступности). Наряду с завершённым исследованием «Преодоление форм проявления организованной преступности средствами правосудия» необходимо назвать проект «Организованная преступность в Европе: концепции, модели и тактика контроля в Европейском Союзе и за его пределами» [71]. Здесь впервые были систематически сравнены национальные концепции организованной преступности, исторические и современные формы её проявления, а также политика контроля над ней в тринадцати западно- и восточноевропейских странах. Еще в одном исследовании, которое было опубликовано, в центре внимания находились формы проявления организованной преступности, анализ основополагающих правовых концепций и концепций правовой политики, а также стратегий контроля в Германии, Нидерландах и Великобритании [72]. Проект «Уголовное преследование торговли людьми», часть которого была осуществлена в сотрудничестве с центральным криминологическим учреждением Федеральной земли Висбаден, представляет собой первое эмпирическое исследование подозреваемых, потерпевших и структур совершения преступления, а также детерминант уголовного преследования и их результатов в сфере торговли людьми, которое было проведено на базе многочисленных методов получения информации и с подключением участников торговли людьми [73]. Кроме того, работы в данной ведущей сфере криминологических исследований сосредоточены на рынках наркотиков. Сюда относятся исследование мирового рынка героина, проведённое

совместно с Rand Corporation, а также сравнительное исследование рынков наркотиков во Франкфурте и в Милане, которое, согласно новому плану исследований, было распространено на три других крупных европейских города. В проекте «Моделирование мирового рынка наркотиков. Оценка последствий изменений в производстве опиума и героина в Афганистане» речь идёт об анализе детерминант глобального рынка героина. Особое внимание при этом уделяется эффекту вмешательства, примером которых является пресечение Талибаном строительства Мохяна в Афганистане в 2001 году.

Планы исследований в этой ведущей сфере криминологических исследований нацелены на исследования вопросов международного терроризма, которые следовало бы поднимать в форме инициатив, направленных на понимание данного института. Теоретическое и вторично-аналитическое исследование транснационального и международного терроризма служит подготовке направления исследований, которое включает также отношения между организованной преступностью и терроризмом, которые проявляются в родственных теоретических концепциях, корреспондирующей динамике вербовки новых членов, финансирования и обучения, а также, в конечном счёте, в схожих стратегиях контроля [74].

3.4. Социальные переменные, изменение обстоятельств жизни, преступность и контроль над преступностью

В такой ведущей сфере криминологических исследований, как «Социальные переменные, изменение обстоятельств жизни, преступность и контроль над преступностью», производятся исследования, посвящённые — как во Фрайбургских когортных

исследованиях по развитию преступности, зарегистрированной органами полиции, и по применению уголовно-правовых санкций [75] — либо изменениям, выявляемым на протяжении жизни в пределах одной когорты и между когортами новорождённых, или между изменениям, выявляемым в когорте в различные временные периоды, либо же — как в проекте «Преступность городских несовершеннолетних» [76] — анализу социального окружения, в котором проявляется девиантное поведение. Исследование когорт было задумано как долгосрочный проект фундаментальной криминологической науки и по своему уникальному дизайну является для Германии уникальным. База данных, явившаяся результатом исследования многих когорт новорождённых, обрабатывается с тем, чтобы создать возможность использования этих данных для анализа разносторонних вопросов, являющихся актуальными также и в свете правовой политики. На основе этой базы данных были проведены исследования определения размера наказания [77], возникновения и развития практики принятия судебных решений, отклоняющихся от установившейся судебной практики, и её последствий [78], а также обобщающие исследования возникновения и развития преимуществ полицейской регистрации [79]. Наряду с постоянным вводом данных из файла личного дела и из Центрального федерального реестра, для долгосрочного исследования были изложены специальные аналитические обзоры, касающиеся динамики преступности и делинквентности среди поздних иммигрантов и лиц, подавших прошение о политическом убежище [80] и по динамике половой преступности. Кроме того, на базе когортной базы данных проводится

исследование сходства в совершении преступлений в ходе криминальных карьер, в рамках которого исследуются вопросы специализации при повторном совершении преступлений [81].

Исследование преступности городских несовершеннолетних и обуславливающих её факторов воздействия, в особенности факторов окружения, было создано на примере двух западно-пемецких городов (Кёльна и Фрайбурга) и — для контраста — двух соседних сельских регионов (Брейсгау и Маркгрэфлер-Ланда). Особый теоретический и методический подход этого исследования заключается в вовлечении местности в описание и объяснение преступного поведения и в получении данных из различных источников на индивидуальном и коллективном уровнях в рамках многоуровневой модели. Вопрос, ответ на который ищут участники данного проекта, связан с актуальной общественно-научной дискуссией об угрозе для городского сосуществования, которую создаёт нарастание социальных проблем в городском пространстве. В рамках социально-экологического исследования преступности несовершеннолетних два «полупроекта» исследовали индивидуальные и структурные детерминанты поведения заявителя и риск изблечения несовершеннолетних преступников [82] и социальное положение несовершеннолетних иностранного происхождения и социальные причины преступного поведения несовершеннолетних различных этнических групп.

В 2006 г. был начат проект по изучению семейных преступлений против жизни с последующим самоубийством. В этом исследовании рассматривается феномен преступности, который характеризуется очевидными связями с индивидуальными жизненными кризисами (которые, в свою очередь, как

представляется, находятся в связи с социальными переменами) и длительное время оставался в Германии весьма малоисследованным. Эта редкая, тяжкая и сложная форма межличностного насилия, которая встречается как правило среди сожителей и в семьях, впервые в Германии стала предметом систематического анализа. Целью данного исследования является полный охват расширенного суицида за последние десять лет, а также уголовно-психологический анализ, задуманный как междисциплинарный.

3.5. Сравнительные и совместные исследования

Криминологическая исследовательская группа поднимает, в сотрудничестве с национальными и зарубежными учёными, различные вопросы, которые в целом следовало бы отнести к ведущим сферам криминологических исследований. На переднем плане при этом находятся сравнительные и междисциплинарные исследования.

3.5.1. Немецко-французские исследования

Лаборатория Европейской Ассоциации (LEA) является исследовательским объединением, созданным Обществом им. Макса Планка и Centre National de la recherche scientifique (Институт им. Макса Планка, Фрайбург, CESDIP, Париж, и Лилльский университет), целью которого является целенаправленное содействие немецко-французского исследовательского сотрудничества по вопросам преступности в сфере политики безопасности и профилактики [83]. В 2006 г. было достигнуто согласие о продлении работы LEA с 2006 до 2009 г. Наряду с исследованиями определения размера наказания в Германии и во Франции [84], сравнительных исследований виктимизации [85] и исследований по развитию сотрудничества органов полиции [86],

деятельность LEA распространяется на проекты «Труд в рамках исполнения наказаний» [87] и «Уголовно-правовая медиация» [88]. Исследование «Дискриминация полиции» начато в 2006 г. Это исследование проводится в двух частях крупных городов в Германии и во Франции на основании наблюдения за участниками, опроса участников и анализа документов; предметом его являются взаимодействие между полицией и несовершеннолетними иммигрантами в конфликтных ситуациях.

3.5.2. Исследования в сотрудничестве с китайскими университетами.

С середины 1990-х годов укрепляется научное сотрудничество с китайскими исследовательскими учреждениями [89]. В проекте «Усиление уголовной защиты в уголовном процессе по делам о преступлениях против жизни в Китае», начатом в 2004 году и завершённом в 2006 г. [90], наряду с Институтом им. Макса Планка участвовали Китайская академия социальных наук (CASS), Оксфордский университет и Великобританский китайский центр в Лондоне. К проекту по имплементации Конвенции о запрете пыток, начатому в начале 2006 г. и рассчитанному на три года, проводимому при участии Великобританского китайского центра в г. Лондоне, Института зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка и Центра прав человека Эссекского университета, вовлечён с китайской стороны Университет Рэньминь (Пекин, Центр исследований процессуальной системы и судебной реформы). Целью данного проекта является сокращение применения пыток, а также нечеловеческого и унижающего достоинство обращения со стороны органов уголовного преследования и в органах уголовного преследования на основании взаимо-

зависимых компонентов исследования, обучения и повышения квалификации, законодательной реформы и внешних (формируемых гражданским обществом) контролирующих органов в Китайской Народной Республике. Начиная с 2006 года, при содействии Великобританского китайского центра в Лондоне, Пекинского нормального университета, Вуханьского университета, Оксфордского университета (центр криминологии) и Фрайбургского института зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка осуществляется трехлетний, финансируемый Европейской комиссией проект по теме «Смертная казнь и общественное мнение в Китае». Целью этого проекта является исследование взаимосвязей между общественным мнением, правовой политикой, законодательством и судебной практикой и инициация перемен в установках участников политической деятельности и судебной практики, а также в общественности. Кроме того, цель этого проекта — направить китайскую уголовно-правовую реформу, в особенности с учётом снижения количества составов преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь, на фоне ратификации международного пакта о гражданских и политических правах. Составными частями данного исследования является опрос общественного мнения среди населения, а также интервьюирование судей, специализирующихся на уголовном праве, прокуроров и адвокатов по уголовным делам.

3.5.3. Сотрудничество с внутригосударственными и зарубежными научно-исследовательскими институтами

Одно исследование, запланированное как совместное, занимается имплементацией совместной следствен-

ной группы, созданной на основании рамочного постановления Европейского Союза. Междисциплинарное исследование было проведено исследовательской группой, в которую вошли сотрудники Гептского (Бельгия), Тильбургского (Нидерланды) университетов и Института им. Макса Планка [91].

Далее, институт вовлечён в междисциплинарный совместный проект «Право, нормы, криминализация», включающий философские и филологические (англистика) вопросы. Институт им. Макса Планка проводит исследования по теме «Преступления, совершаемые из ненависти: формирование норм и представления о личности среди лиц, содержащихся под стражей»; т.п. «Английский семинар» посвящён анализу темы «Процессы криминализации и опыт отбывания лишения свободы: пространства, тела, личности, топосы, метафоры». Наконец, Институт философии (Архив Гуссерля) работает над темой «Нормы права и морали в качестве смысловых структур сосуществования в обществе в процессе перемен». Первостепенная задача этого междисциплинарного исследования — подняться выше описательного уровня, достичь дифференцированного анализа процессов взаимодействия (интеракции), который осветил бы игру факторов различной величины.

Под руководством Института находится, наконец, сравнительное исследование по теме «Уголовная превенция в крупных населённых пунктах», которое проводится при участии

нидерландских, польских, венгерских и английских научно-исследовательских заведений.

Конечно, в короткой публикации сложно подробно осветить все направления, в рамках которых по специальным исследованиям проводятся научные исследования, поэтому, безусловно, отражено не все. Например, в последние годы мы активно сотрудничаем с коллегами из Украины. Например, в 2011 году мы привели в Украине содержательную конференцию по вопросам гармонизации уголовного законодательства ряда европейских стран в борьбе с преступностью. Есть и другие интересные научные направления для совместной работы с высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими учреждениями из Украины.

Выводы. Проводя криминологические исследования, большинство наших немецких и зарубежных коллег, придерживаются точки зрения, согласно которой в основе подавляющей части общественно опасных деяний во многом лежат сложные социальные проблемы конкретных обществ, которые на определенных этапах могут трансформироваться в преступления. В тоже время, исследование динамики преступлений, их направленности, содержательных характеристик таких деяний, дает возможность конкретизировать общественные проблемы и конфликты, характерные для определенного общества. Во многом, это и влияет и на предполагаемую тематику научных исследований, которые мы планируем проводить в перспективе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Villmow B. Jugendkriminalität in einer Gemeinde / B. Villmow, E. Stephan. — Freiburg, 1983.
2. Steffen W. Analyse polizeilicher Ermittlungstätigkeit aus der Sicht des späteren Strafverfahrens. — Wiesbaden, 1976; Kürzinger J. Private Strafanzeige und polizeiliche Reaktion. — Berlin, 1978.
3. Villmow B. Schwereinschätzung von Delikten. Berlin, 1977.
4. Rosellen R. Private Verbrechenskontrolle. Eine empirische Untersuchung zur Anzeigeerstellung. In: Forschungsgruppe Kriminologie (Hrsg.): Empirische Kriminologie. Freiburg, 1980. S. 93-112; Stephan E. Die Stuttgarter Opferbefragung. — Wiesbaden, 1976.
5. Kürzinger J. : a.a.O., 1978.
6. Steffen W. : a.a.O., 1977.
7. Blankenburg E. / E. Blankenburg, K. Sessar, W. Steffen : a.a.O., 1978.
8. Sessar K. Rechtliche und soziale Prozesse einer Definition der Tötungskriminalität. - Freiburg/Br., 1981.
9. Stephan E. : a.a.O., 1986.
10. Clinard M.B. Cities with little crime: the case of Switzerland. Cambridge, 1978.
11. Arnold H. Kriminelle Viktimisierung und ihre Korrelate. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft 98(1986). — S. 1014-1058.
12. Pitsela A. Straffälligkeit und Viktimisierung ausländischer Minderheiten in der Bundesrepublik Deutschland. — Freiburg : MPL, 1986.
13. Hierzu vor allem Rosellen, R. : a.a.O., 1980.
14. Arnold H. Fear of Crime and Its Relationship to Directly and Indirectly Experienced Victimization: A Binational Comparison of Models. In: K. Sessar, K. Kerner, H.-J. (Hrsg.): Developments in Crime and Crime Control. New York, 1991. S. 87-125.
15. Richter H. Opfer krimineller Gewalttaten. Individuelle Folgen und ihre Verarbeitung. Mainz, 1997.
16. Renschler-Delcker U. Die Gerichtshilfe in der Praxis der Strafrechtspflege. Eine Untersuchung über die Arbeit der Erwachsenengerichtshilfe aus der Sicht der Gerichtshelfer und deren Auftraggeber. — Freiburg, 1983.
17. Spieß G. Sozialintegration und Bewährungserfolg: Aspekte der Situation nach Haftentlassung und ihre Bedeutung für die Legalbewährung. Eine Untersuchung des Verlaufs der Bewährungszeit bei 170 Probanden. In: Kury, H. (Hrsg.): Prognose und Behandlung bei jungen Rechtsbrechern. Freiburg, 1986. S. 511-579.
18. Kury H. Die Behandlung Straffälliger. Teilband 2: Ergebnisse einer empirischen Untersuchung zum Behandlungserfolg bei jugendlichen und heranwachsenden Untersuchungshäftlingen. Berlin, 1987.
19. Dünkel F., Meyer K. (Hrsg.) Jugendstrafe und Jugendstrafvollzug. Stationäre Maßnahmen der Jugendkriminalrechtspflege im internationalen Vergleich. 2 Bände. Freiburg 1985; Geissler I. Ausbildung und Arbeit im Jugendstrafvollzug. Haftverlaufs- und Rückfallanalyse. — Freiburg, 1991; Tauss R. Die Veränderung von Selbstkonzeptkomponenten im Inhaftierungsverlauf jugendlicher Strafgefangener Ergebnisse einer wissenschaftlichen Begleitung des sozialtherapeutischen Modells in der Jugendstrafanstalt Berlin-Plötzensee. Freiburg, 1992.
20. Baumgart M.C. Illegale Drogen Strafjustiz Therapie. Freiburg, 1994; Rosner A. Alkohol am Steuer, Fahrerlaubnisentziehung und Nachschulung. Freiburg, 1988.
21. Dünkel F. Legalbewährung nach sozialtherapeutischer Behandlung. Eine empirische vergleichende Untersuchung anhand der Strafregisterauszüge von 1.503 in den Jahren 1971—1974 entlassenen Strafgefangenen in Berlin-Tegel. — Berlin, 1980.
22. Ortmann R. Resozialisierung im Strafvollzug — Theoretischer Bezugsrahmen und empirische Ergebnisse einer Längsschnittuntersuchung zu den Wirkungen von Strafvollzugsmaßnahmen. — Freiburg, 1987.
23. Lambropoulou E. Erlebnisbiographie und Aufenthalt im Jugendstrafvollzug. Freiburg, 1987.
24. Albrecht H.-J. Legalbewährung bei zu Geldstrafe und Freiheitsstrafe Verurteilten. Freiburg, 1982.

25. Ortmann R. Haft als negativer Sozialisationsprozeß. In: Kaiser, G., Kury, H. (Hrsg.): *Kriminologische Forschung in den 90er Jahren*. — Freiburg, 1993. — S. 259-308; Ortmann R. Zur Evaluation der Sozialtherapie. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft* 106(1994), S. 782-821.
26. Dünkel F., Spiess G. (Hrsg.): *Alternativen zur Freiheitsstrafe. Strafaussetzung zur Bewährung und Bewährungshilfe im internationalen Vergleich*. Freiburg, 1986; Albrecht H.-J., Schädler W. (Hrsg.): *Community Service, Gemeinnützige Arbeit, Dienstverlening, Travail d'Intérêt Général. A new option in punishing offenders in Europe*. — Freiburg, 1986.
27. Liebl K. Die Bundesweite Erfassung von Wirtschaftsstraftaten nach einheitlichen Gesichtspunkten. *Ergebnisse und Analysen für die Jahre 1974 bis 1981*. — Freiburg, 1984.
28. Schönherr R. Vorteilsgewährung und Bestechung als Wirtschaftsstraftaten. Eine Untersuchung über die Zuweisung dieser Delikte zur Wirtschaftskriminalität durch die Staatsanwaltschaften. Freiburg, 1985; Kießner F. Kreditbetrug § 265b StGB Eine Untersuchung zur Einführung und Anwendung des Sondertatbestandes zur Bekämpfung der betrügerischen Erschleichung von Krediten. — Freiburg, 1985; Sickenberger M. Wucher als Wirtschaftsstraftat. Eine dogmatisch-empirische Untersuchung. — Freiburg, 1985.
29. Meinberg V. Geringfügigkeitseinstellungen von Wirtschaftsstraftaten. Eine empirische Untersuchung zur staatsanwaltschaftlichen Verfahrenserledigung nach § 153a Abs. 1 StPO. — Freiburg, 1985.
30. Albrecht H.-J., Kaiser G. u. a. Kohortenuntersuchungen — Anlage und methodische Probleme von Forschungen zur Kriminalitätsentwicklung und -entstehung. In: Kury, H. (Hrsg.): *Entwicklungstendenzen kriminologischer Forschung: Interdisziplinäre Wissenschaft zwischen Politik und Praxis*. Köln u.a. 1986. — S. 163-186.
31. Vgl. die Zusammenfassungen in Forschungsgruppe Kriminologie (Hrsg.): *Empirische Kriminologie*. — Freiburg, 1980; Kaiser G., Kury H. (Hrsg.): *Kriminologische Forschung in den 90er Jahren Criminological Research in the 1990's. Beiträge aus dem Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht*. — Freiburg, 1993; Eser A. (Hrsg.): *Kriminologische Forschung im Übergang. Festveranstaltung anlässlich des Amtswechsels von Günther Kaiser zu Hans-Jörg Albrecht am Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht*. Freiburg im Breisgau, 28 Februar, 1997. — Freiburg, 1997.
32. Albrecht H.-J. Strafzumessung bei schwerer Kriminalität — Eine vergleichende theoretische und empirische Studie zur Herstellung und Darstellung des Strafmaßes. — Berlin, 1994.
33. Kaiser M. Die Stellung des Verletzten im Strafverfahren. Implementation und Evaluation des "Opferschutzgesetzes". — Freiburg, 1992; Kilchling M. Opferinteressen und Strafverfolgung. — Freiburg, 1995.
34. Häussler-Sczepan M. Arzt und Schwangerschaftsabbruch. Eine empirische Untersuchung zur Implementation des reformierten § 218 StGB. — Freiburg, 1989; Liebl K. Ermittlungsverfahren, Strafverfolgungs- und Sanktionspraxis beim Schwangerschaftsabbruch. Materialien zur Implementation des reformierten § 218 StGB. — Freiburg, 1990.
35. Albrecht H.-J., Heine G., Meinberg V. Umweltschutz durch Umweltstrafrecht? *Zeitschrift für die gesamten Strafrechtswissenschaften* 96(1984). — S. 943-998.
36. Eser A., Kaiser G., Madlener K. (Hrsg.): *Neue Wege der Wiedergutmachung im Strafrecht. Internationales strafrechtlich-kriminologisches Kolloquium in Freiburg i.Br.* — Freiburg, 1990. — S. 43-72.
37. Rode C. *Kriminologie in der DDR. Kriminalitätsursachenforschung zwischen Empirie und Ideologie*. — Freiburg, 1996.
38. Kury H., Obergfell-Fuchs J., Würger M. *Gemeinde und Kriminalität. Eine Untersuchung in Ost- und Westdeutschland*. — Freiburg, 2000.
39. Kräupl G., Ludwig H. *Wandel kommunaler Lebenslagen, Kriminalität und Sanktionserwartungen. Bevölkerungsbefragung in einer städtischen Region Thüringens 1991/92 (Jenaer Kriminalitätsbefragung)*. — Freiburg, 1993.
40. Baumann U., Kury H. (Hrsg.): *Politisch motivierte Verfolgung: Opfer von SED-Unrecht*. — Freiburg, 1998.
41. Albrecht H.-J., van Kalmthout A. (Hrsg.): *Drug Policies in Western Europe*. — Freiburg, 1989.

42. Oswald K. Die Implementation gesetzlicher Maßnahmen zur Bekämpfung der Geldwäsche in der Bundesrepublik Deutschland. Eine empirische Untersuchung des § 261 StGB i.V.m. dem Geldwäschegesetz. — Freiburg, 1997.
43. BVerfGE 2 BvR 794/95, 20. 3. 2002.
44. Meyer J., Dessecker A., Smettan J.R. (Hrsg.): Gewinnabschöpfung bei Betäubungsmittel delikten. BKA-Forschungsreihe, Sonderband. — Wiesbaden, 1989; Smettan J.: Kriminelle Bereicherung in Abhängigkeit von Gewinnen, Risiken, Strafen und Moral. — Freiburg, 1992.
45. Kilchling M., Lukas T. Gefährdung von Rechtsanwälten, Steuerberatern, Notaren und Wirtschaftsprüfern durch Geldwäsche. Mönchengladbach, Forum-Verlag, 2005. — 205 S.
46. Lutterer W., Hoch H.J. Rechtliche Steuerung im Umweltbereich Funktionsstrukturen des Umweltstrafrechts und des Umweltordnungswidrigkeitenrechts. Empirische Untersuchungen zur Implementation strafbewehrter Vorschriften im Bereich des Umweltschutzes. — Freiburg, 1997.
47. Vgl. auch Dessecker A., Geissler-Frank I. Empirische Forschungsarbeiten zum Strafverfahren und Strafverfahrensrecht. — Freiburg, 1995 sowie Albrecht H.-J.: Rechtsstatsachenforschung zum Strafverfahren. — Baden-Baden, 2005.
48. Skizziert für die Kriminologie in Albrecht H.-J.: Kriminologische Forschung: Erwartungen an die Zukunft. In: Eser, A. (Hrsg.): Kriminologische Forschung im Übergang. — Freiburg, 1997. — S. 49-78; für das Strafrecht vgl. Albrecht H.-J., Sieber U. (Hrsg.): Perspektiven der strafrechtlichen Forschung. Amtswechsel am Freiburger Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht, 2004. — Berlin, 2006.
49. Shapland J., Albrecht H.-J., Ditton J., Godefroy T. (Hrsg.) The Informal Economy: Threat and Opportunity in the City. — Freiburg, 2003.
50. Albrecht H.-J. Regaining Trust and Confidence in Post-Conflict Societies as a Way to Prevent Terrorism. In: Large-Scale Victimization as a Potential Source of Terrorist Activities. Importance of Regaining Security in Post-Conflict Societies. Eds. U. Ewald, K. Turković. NATO Security through Science Series, IOS Press. — Amsterdam, 2006. — S. 30-53.
51. Kilchling M. Opferschutz und der Strafanspruch des Staates — ein Widerspruch? NSTZ 22, 57-63 (2002).
52. Albrecht H.-J., Kaiser G. & Schöch H. Antrag auf Einrichtung eines DFG-Schwerpunkts Empirische Sanktionsforschung — Verfahren, Vollzug, Wirkungen und Alternativen. Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform 60, 41-50 (1977).
53. Steffen, W.: a.a.O., 1977; Kürzinger, J.: a.a.O., 1978.
54. Albrecht H.-J. Organisierte Kriminalität: Zur sozialen Konstruktion einer Gefahr. Ein Kommentar. In: Organisierte Kriminalität — oder gesellschaftliche Desorganisation? Angewandte Sozialforschung 22(2002), S. 155-160.
55. Council of Europe: Terrorism: special investigation techniques. — Strasbourg, 2005.
56. Jessen D. Die Implementation der Fussfessel in Hessen. Eine Evaluation des Einführungsprozesses anhand empirischer Analyse des Einführungsprozesses und Effizienz des elektronisch kontrollierten Hausarrests. In: Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht : Tätigkeitsbericht 2004/2005. — Freiburg, 2006. — S. 147-148.
57. Mayer M. Modellprojekt elektronische Fußfessel. Studien zur Erprobung einer umstrittenen Maßnahme. — Freiburg/Br., 2004.
58. Haverkamp R. Elektronisch überwachter Hausarrestvollzug: Ein Zukunftsmodell für den Anstaltsvollzug? Eine rechtsvergleichende, empirische Studie unter besonderer Berücksichtigung der Rechtslage in Schweden. — Freiburg/Br., 2002.
59. Mayer M., Haverkamp R., Lévy R. (Hrsg.): Will Electronic Monitoring Have a Future in Europe? Contributions from a European Workshop, June 2002. — Freiburg/Br., 2003.
60. Hotter I. Untersuchungshaftvermeidung für Jugendliche und Heranwachsende in Baden-Württemberg. Eine Bestandsaufnahme der Umsetzung in der Praxis. — Freiburg, 2004.
61. Kurzberg B. Jugendstrafe bei schwerer Kriminalität. In: Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht : Tätigkeitsbericht 2004/2005. — Freiburg, 2006. — S. 151-152.
62. Laule J. Berücksichtigung von Angehörigen bei Auswahl und Vollstreckung von Sanktionen. In: Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht: Tätigkeitsbericht 2004/2005. — Freiburg, 2006. — S. 153-154.

63. Wen Fan: Kriminelle Karrieren und Kriminalprävention. In: Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht: Tätigkeitsbericht 2004/2005. — Freiburg, 2006. — S. 155.
64. Albrecht H.-J., Kilchling M., Braun E. Criminal Preventive Risk Assessment in the Law-Making Procedure. — Freiburg, 2002.
65. Ortman R., Albrecht H.-J., Obergfell-Fuchs J. Sexualstraftäter in sozialtherapeutischen Abteilungen des Freistaates Sachsen. Skizze einer Evaluationsstudie. — Freiburg, 2001.
66. Grundies V. Gefährliche Straftäter. Sexualkriminalität im Längsschnitt. Untersuchungen zur Inzidenz, Prävalenz und zum Rückfall bei Sexualstraftätern. In: Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht: Tätigkeitsbericht 2004/2005. — Freiburg, 2006. — S. 159-160.
67. Dünkel F. Legalbewährung nach sozialtherapeutischer Behandlung. — Berlin, 1980; Ortman R. Resozialisierung im Strafvollzug.
68. Empirische Ergebnisse einer Längsschnittstudie zu den Wirkungen von Strafvollzugsmaßnahmen. — Freiburg, 1987.
69. Ortman R. Eine experimentelle Studie zur Evaluation der Sozialtherapie in Gefängnissen. In: Bremer Institut für Kriminalpolitik (Hrsg.): Experimente im Strafrecht. Wie genau können Erfolgskontrollen von kriminalpräventiven Maßnahmen sein? — Bremen, 2000. — S. 110-136.
70. Ortman R. Sozialtherapie im Strafvollzug. Eine experimentelle Längsschnittstudie zu den Wirkungen von Strafvollzugsmaßnahmen auf Legal- und Sozialbewährung. — Freiburg, 2002.
71. Ortman R. Abweichendes Verhalten und Anomie. Entwicklung und Veränderung abweichenden Verhaltens im Kontext der Anomietheorien von Durkheim und Merton. — Freiburg, 2000.
72. Quenzer C. Jugendliche und heranwachsende Sexualstraftäter Eine empirische Studie über Rückfälligkeit und Risikofaktoren, www.mpicc.de/ww/de/ext/forschung/forschungsarbeit/kriminologie.
73. Wössner G. Typisierung von Sexualstraftätern. Ein empirisches Modell zur Generierung typenspezifischer Behandlungsansätze. — Berlin, 2006.
74. Kinzig J. Die Sicherungsverwahrung auf dem Prüfstand. Ergebnisse einer theoretischen und empirischen Bestandsaufnahme des Zustandes einer Maßregel. — Freiburg, 1996.
75. Kinzig J. Legalbewährung von Sicherungsverwahrten und gefährlichen Straftätern. In: Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht : Tätigkeitsbericht 2004/2005. — Freiburg, 2006. — S. 166-167.
76. Kilchling M. Opferinteressen und Strafverfolgung. — Freiburg, 1995; Kipper O. Schutz kindlicher Opferzeugen im Strafverfahren. — Freiburg, 2001.
77. Bareinske C. Sanktion und Legalbewährung im Jugendstrafverfahren in Baden-Württemberg. Eine Analyse von jugendlichen Straftätern nach einer formellen bzw. informellen Erledigung des Verfahrens anhand der Freiburger Kohortenstudie. — Freiburg, 2004.
78. Albrecht H.-J., Dorsch C., Krüpe C. Rechtswirklichkeit und Effizienz der Überwachung der Telekommunikation nach den §§ 100a, 100b StPO und anderer verdeckter Ermittlungsmaßnahmen. edition iuscrim, Freiburg i. Br. 2003; Dorsch C. Die Effizienz der Überwachung der Telekommunikation nach den §§ 100a, 100b StPO. — Berlin, 2005; Krüpe-Gescher C. Die Überwachung der Telekommunikation nach den §§ 100a, 100b StPO in der Rechtspraxis. — Berlin, 2005.
79. Meyer-Wieck H. Rechtswirklichkeit und Effizienz der akustischen Wohnraumüberwachung ("großer Lauschangriff") nach § 100c Abs. 1 Nr. 3 StPO. Research in Brief. — Freiburg, 2004; Meyer-Wieck H. Der Große Lauschangriff. Eine empirische Untersuchung zu Anwendung und Folgen des §100c Abs. 1 Nr. 3 StPO. — Berlin, 2005.
80. Grafe A. Die Auskunftserteilung über Telekommunikationsverbindungsdaten nach §§ 100g, 100h StPO. In: Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht: Tätigkeitsbericht 2004/2005. — Freiburg, 2006. — S. 180-181.
81. Pehl D. Die Rasterfahndung. In: Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht: Tätigkeitsbericht 2004/2005. — Freiburg, 2006. — S. 182-183.

82. Schäfer C., Paoli L. Drogenkonsum und Strafverfolgungspraxis. Eine Untersuchung zur Rechtswirklichkeit der Anwendung des § 31 a BTMG und anderer Opportunitätsvorschriften auf Drogenkonsumentendelikte. — Berlin, 2006.

83. Kinzig J. Die rechtliche Bewältigung von Erscheinungsformen organisierter Kriminalität. — Berlin, 2004.

84. Fijnaut C., Paoli L. (Hrsg.): Organised Crime in Europe. Concepts, Patterns and Control Policies in the European Union and Beyond. — Dordrecht, 2004.

85. Luczak A. Organisierte Kriminalität im internationalen Kontext. Konzeption und Verfahren in England, den Niederlanden und Deutschland. — Freiburg, 2004.

86. Herz A.L. Menschenhandel. Eine empirische Untersuchung zur Strafverfolgungspraxis. — Berlin, 2005.

87. Paoli L., Reuter P. Modelling the World Heroin Market. Assessing the Consequences of Changes in the Afghanistan Production. In: Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht : Tätigkeitsbericht 2004/2005. — Freiburg, 2006. — S. 202-203.

88. Wildfang A. Terrorismus. Eine kriminologische Studie vor dem Hintergrund der Internationalisierung. In: Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht: Tätigkeitsbericht 2004/2005. — Freiburg, 2006. — S. 200-201.

89. Mun Jang-II. Opferbefragung in der koreanischen Großstadt Pusan. — Freiburg, 2004.

90. Kury H., Obergfell-Fuchs J., Würger M. Strafeinstellungen. Ein Vergleich zwischen Ost- und Westdeutschland. — Freiburg, 2002.

Альбрехт Ганс-Йорг

Кримінологічні дослідження у Фрайбурзькому інституті зарубіжного та міжнародного кримінального права імені Макса Планка.

Анотація. У цій статті подані основні напрямки кримінологічних досліджень за якими проводяться дослідження в Інституті міжнародного та зарубіжного кримінального права імені Макса Планка.

Ключові слова: кримінологія, кримінологічні дослідження, контроль над злочинністю, гармонізація кримінального законодавства, організована злочинність.

Albrecht H.J.

Criminological research at the Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law in Freiburg/Germany.

Summary. The article presents main directions of criminological research, on the basis of which scholars at the Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law in Freiburg work on independent and collaborative research with foreign partners.

Keywords: criminology, criminological research, organized crime, crime control, harmonization of criminal law.

